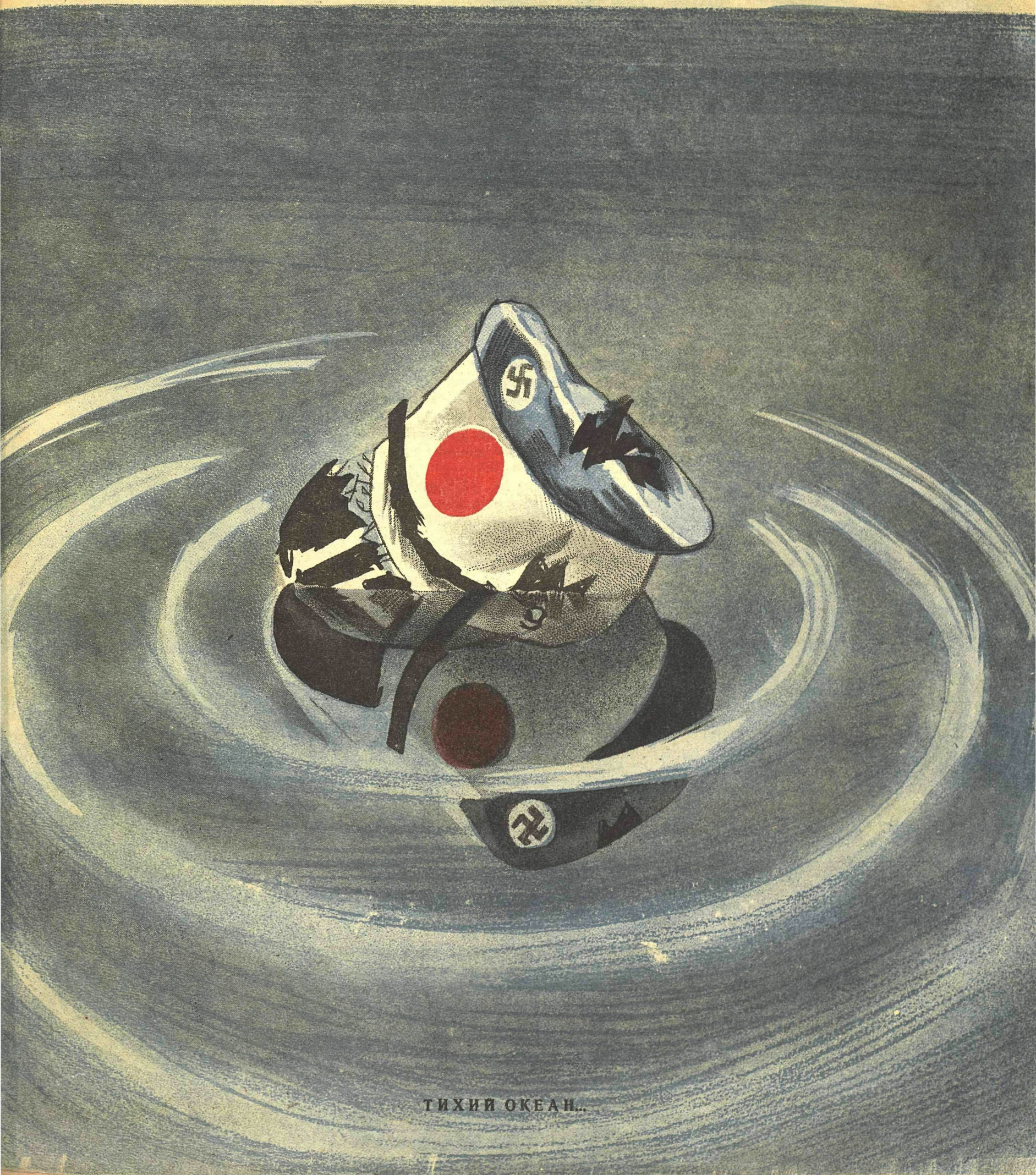

№ 31

МОСКВА 30 сентября 1945

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Рис. М. Черемных

ТИХИЙ ОКЕАН..

АТОМ-БИЗНЕС

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ТОКИО. Как сообщает агентство «Домей Пусин», оно впредь ничего больше за границу сообщать не будет. Это — первое и последнее сообщение японского агентства, которое соответствует действительности.

ПАРИЖ. На чёрной бирже началась усиленная спекуляция блоками «западными». Несмотря на шумную рекламу в газете «Попюлер», этот залежалый товар большой популярностью не пользуется.

БУХАРЕСТ. Опасаясь грозы, Маниу и Братиану пытаются обзавестись импортными громомоводами.

ЖЕНЕВА. Швейцарские власти категорически опровергают сообщения о комфортабельной жизни видных гитлеровцев в Швейцарии. «Такие факты, — как заявляют они, — действительно имеют место, но не в Швейцарии, а в Португалии».

ЛИССАБОН. Португальские власти категорически опровергают сообщения о комфортабельной жизни видных гитлеровцев в Португалии. «Такие факты, — как заявляют они, — действительно имеют место, но не в Португалии, а в Швейцарии».

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Оба опровержения соответствуют действительности.

— Итак, мистер Брехмен, вам надо срочно перестроиться. Над чем вы сейчас работаете?

— Пишу, мистер Херст, большую статью, в которой весьма убедительно доказываю, что гитлеровцы в России не сожгли ни одного дома, а наоборот, — построили несколько городов.

— Красиво. Но сейчас это уже не товар. Сейчас нам надо торговать атомами. Откровенно говоря, я никогда в жизни не видал ни одного, даже самого пустякового атома. Говорят, что это очень маленький, крохотный предмет, меньше запятой, мельче микроба и не больше совести. Но зато атом — это грандиозный бизнес. А поэтому надо немедленно поднять в наших газетах...

— Вопрос?

— Поднимать вопросы — не наше с вами дело. Мы должны поднять...

— Шумиху?

— Вот именно! Шумиха — двигатель торговли.

— Сейчас же начну, мистер Херст. Вот будет здорово!

— Не надо, чтоб было здорово. Наоборот, надо поднять нездоровую шумиху.

— Это мы можем. В каждой моей строчке будет столько звона, трескотни, криков «ура!»...

— Отставить, Брехмен! Теперь надо кричать не «ура», а «уран!» Атом, говорят, добывается из урана.

— Слушаюсь, мистер Херст.

— Сейчас атом — это всё. Поняли?

— Понял.

— Что же вы поняли?

— Я напишу, что атомная энергия излечивает насморк и подагру, приводит в движение пылесосы и мясорубки, что каждая домашняя

хозяйка должна приобрести хотя бы одно атомное ядро.

— Чепуха! Это мелко. Надо к такому большому делу подойти более серьёзно, мистер Брехмен.

— Могу за те же деньги и более серьёзно. Я уже читал в каком-то журнале, что это — большое научное открытие, которое в будущем должно сделать переворот во всей мировой технике.

— Брехмен, не лезьте куда вас не просят. Печати Херста нет дела до научных открытий и технических переворотов. Нас атомы должны интересовать только с точки зрения бомбы.

— Понял. Хотя не совсем. Вернее — совсем не понял. Зачем сейчас бомбы? Ведь мы ни с кем не воюем.

— Кто — мы?

— Америка.

— Открыл Америку! Пускай она, Америка, и не воюет. Но печать Херста — она воюет. Кто-то из наших коллег уже сказал: «Поскольку Соединённые Штаты расщепили атом, они могут расщепить и Объединённые нации».

— Значит, против кого же мы воюем?

— Не воюем, но запугиваем. Шумим, трезвоним, пускаем пыль в глаза, бросаем атомные бомбы клеветы, нагоняем страх и...

— Ну, а если те, кого мы запугиваем, не испугаются? Кажется мне, что они, к сожалению, не из пугливых.. А?

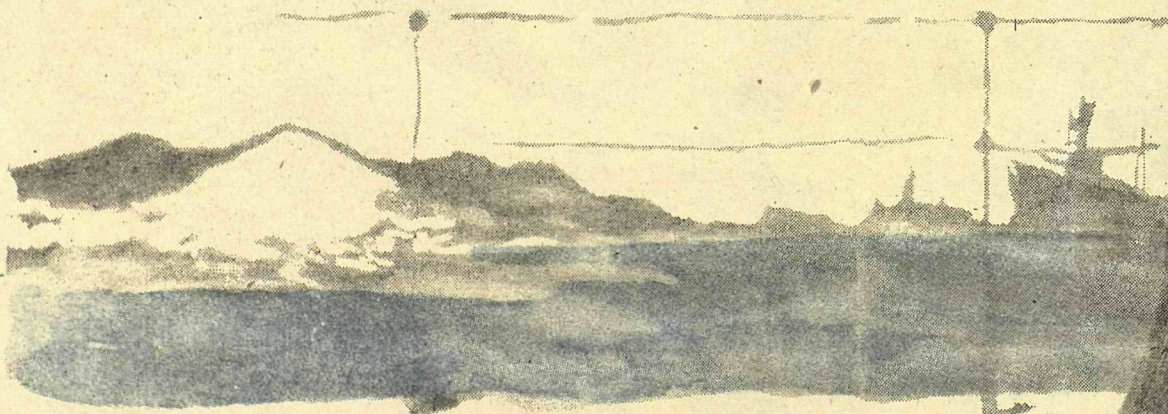
— Не испугаются? Да... Это и мне кажется. Но всё равно! Бизнес есть бизнес. И Херст есть Херст. Надо шуметь, мистер Брехмен. Шуметь!

— Сейчас же начинаю, мистер Херст!.

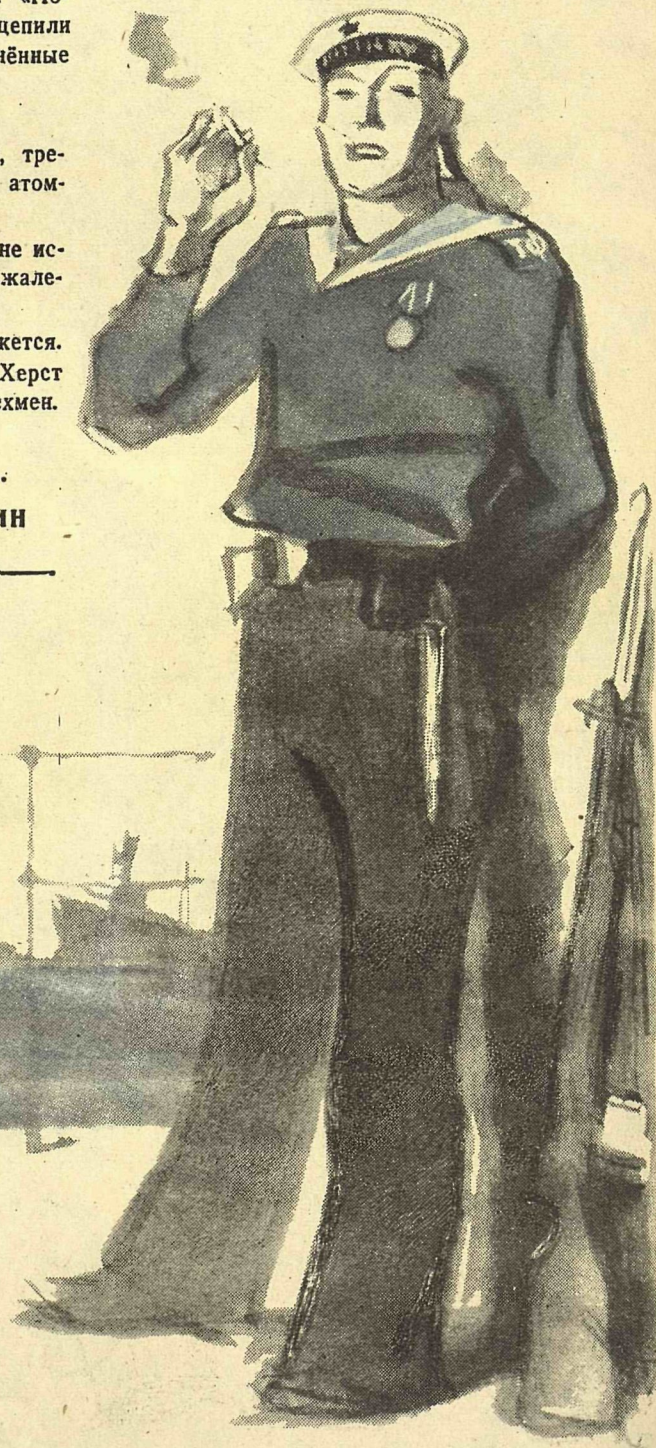
Г. РЫКЛИН

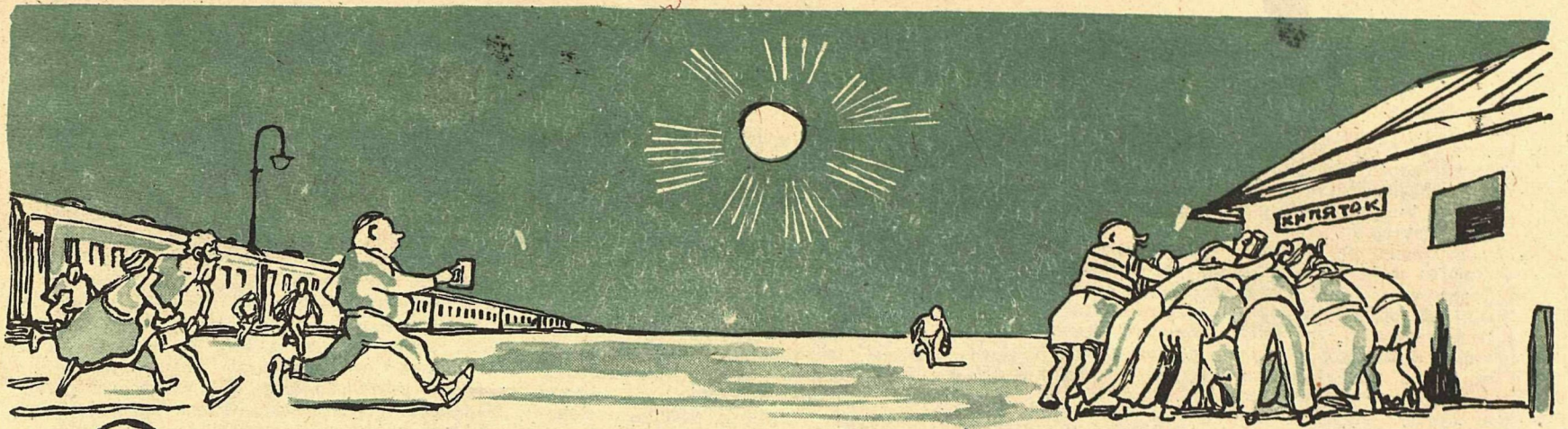
...И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Рис. С. Костина

— Из Порт-Артура турнули мы их, с Курильских — выкурили. Теперь и покурить можно.

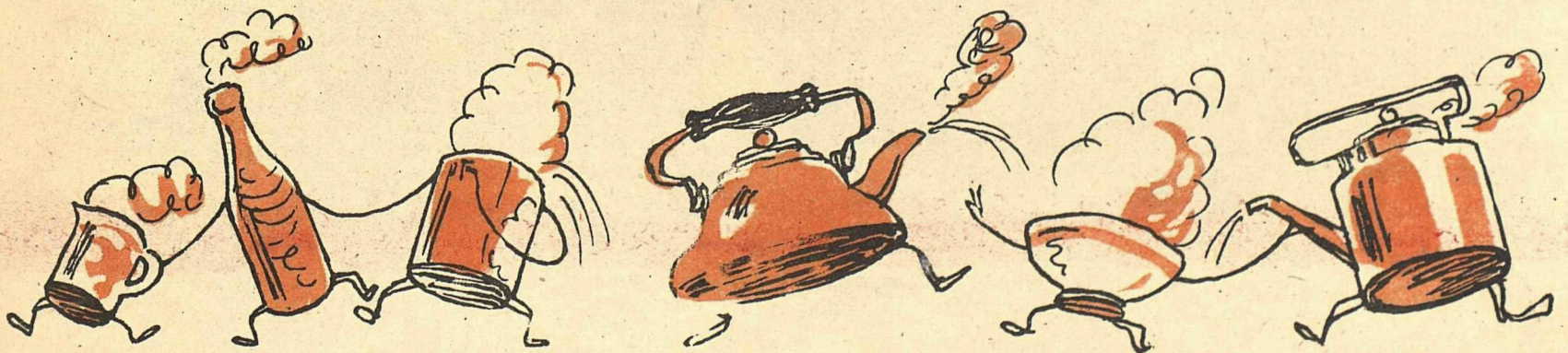
Стихи про Кипяток

Мне незря пришла охота
Написать про кипяток.
Очень трудная работа —
Летом ехать на Восток.
Пыльно, жарко. Солнце сдуру
Гонит вверх температуру:
Начинается жара
Сразу после Чкалова,
И у Кызыл-Орды с утра —
Пятьдесят без малого.
Пассажир — солидный дядя
При часах и при усах,
На приличия не глядя,
Появляется в трусах —
В полосатом трикотаже,
Как на пляже. Хуже даже...
И никто не возмущён,
Дядя понят и прощён.
Все на собственном примере
Испытали в полной мере
Всё, что чувствуют в печи
Калачи и куличи.
Все пыхтели и потели
И ужасно пить хотели,
Да и как же не хотеть?
Надо ж чем-нибудь потеть.
Но на длительных стоянках
И на мелких полустанках —
Всё, что хочешь из еды
И — ни капельки воды.
Снова станция, и снова
Всё что хочешь из съестного, —
Рыба, яйца. А попить
Не достать и не купить.
Значит, снова попытка жаждой!
Значит... Что это?.. Ура! —
Мчатся бабы, и у каждой
По два цинковых ведра!
Лишь бы милиционеры
Принимать не стали меры
Против этих милых баб,
Воздержались бы от ловли
И учли, что у торговли
Незначительный масштаб.
Подбежали бабы бодро,
На платформу ставят ведра.
Только что за ерунда?..
В ведрах соль, а не вода.
Так и есть! С душевной болью
Школьный курс припомнил я,
Что весьма богаты солью
Эти дальние края.

Только был я в неизвестности,
Что проезжим в этой местности
Соль из ведер продают —
И пронзительно поют:
— Соли! Соли! Соли! Соли!
Обадели бабы, что ли?!
Им тут слишком много воли
Милицейские дают.
И опять свистит свисток,
И опять гудит гудок...
Едем, едем, едем, едем
И водой буквально бредим,
И глаза у всех горят.
А колёса говорят:
— Да-да-да!.. Да-да-да!..
Есть такие города,
Где имеется всегда
Кипячёная вода.
А в Москве есть светлый дом,
Да! Да!
Где имеется со льдом
Во-да!
С пазурьками и со льдом
Да!.. Да!.. Да!..
Проводница, утешая,
Говорит, что вечером
Будет станция большая:
Разживёмся кипятком.
Мы поверили, как дети.
Но далёк желанный срок, —
Только утром, на рассвете,
Наступает вечерок.
Кто с бутылкой, кто с жестяной,
Кто с большой зелёной склянкой,
Кто с ведром, кто с котелком —
Все бегут за кипятком.
Впереди «американка» —
От свиной тушонки банка —
Бег уверенно ведёт.
Но тушонку-
Чемпионку
Резвый чайник достаёт,
И уже у крана свалка
И какая-то мадам,
По профессии нахалка,
Лезет прямо «по людям».
Только зря народ бунтует,
Зря шумит и злится зря —
Чан пустует, кран бастует...
Занимается заря...
Обманулась проводница —
Кипяток не кипятится,

А кипит, как кипяток,
Только автор этих строк:
Наш народ за эти годы
Все народы одолжил
И у всех друзей свободы
Благодарность заслужил.
Про советских офицеров,
Про бойцов и инженеров,
Про советских горячков,
Про уральских стариков,
У станков сынков сменивших,
Про советских матерей,
Воспитавших и вскормивших
Фронтowych богатырей,
Про сестрёнок и братишек,
Про девчонок и мальчишек,
И про наших октябрят
С уважением говорят
По-французски, по-английски,
По-индусски, по-бельгийски,
По-болгарски и по-гречески,
По всемирно-человечески.
Автор думает в тревоге:
«На кого бы поднажать,
Чтоб железные дороги
Научились уважать
Наших славных пассажиров,
Этих самых командиров,
Стариков, бойцов сменивших,
Этих самых матерей,
Воспитавших и вскормивших
Фронтowych богатырей,
Этих самых инженеров,
Этих самых пионеров,
Этих самых октябрят,
Про которых говорят
По-индусски и по-гречески,
По всемирно-человечески».
Автор думает в тревоге:
«Как заставить желдороги
Пассажиров уважать?
На кого бы поднажать,
Чтоб на мелких полустанках
И на длительных стоянках,
По пути ли в Белосток,
По пути ли к тундрам вьюжным,
По пути ли к пляжам южным,
По пути ли на восток
Кипятили кипяток?»

Мих. ВОЛЬГИН

ДЛЯ ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

О, дорогой читатель, едущий в отпуск в каюте волжского парохода или в вагоне скорого поезда,— вам от чистого сердца посвящается этот полезный справочник для плавающих и путешествующих.

Да хранит вас аллах от всяких неприятностей на пути вашего следования, особенно в Саратове, где вам будут предлагать обувные изделия промкомбината Сталинского района. Пуще всего остерегайтесь покупать детские туфли. Левая туфля обычно жёлтая, правая—чёрная. У жёлтой туфли—задник чёрный, а у чёрной—серый. Бывает и наоборот. В обоих случаях эта обувь всех цветов радуги не производит радужного впечатления на потребителя. Лошади, и те шарахаются в сторону при виде пешеходов в таких туфлях.

Зато в Сызрани битюги и першероны сочувственно поглядывают на детей школьного возраста, шествующих в школу с книгоносками в руках. Эти книгоноски, изготовленные в количестве 10 тысяч штук промартелью «Строитель», представляют собой тонкие, легко рвущиеся тесёмки с ржавыми пряжками с конской сбруи: вот почему деликатные лошади выражают соболезнование школьникам!..

Если же вы желаете ознакомиться с красотами Урала и предпочитаете ехать в поезде, то будьте в Свердловске не менее бдительны, чем в Сызрани или в Саратове. Собиравшись пообедать в Свердловске, отвернитесь от плаката: «Мой руки перед едой!» Потому что вам постараются всучить сульфитное мы-

ло Новолялинского промкомбината, от которого мыла кожа на руках мгновенно воспламеняется и покрывается разноцветными угрями. Говорят, что дальновидные новолялинские промкомбинаторы, выпустившие своё скорострельное мыло, умыли руки, не прибегая к услугам своей продукции.

Вы сели за столик станционного ресторана. Хорошо, если вы догадались застаться ложкой из дому. Иначе вам подадут одну из миллиона ложек, изготовленных райпромкомбинатом Молоотовского района Свердловска. Ложки гнутся легко и быстро, как тонкая медная проволока. Директор райпромкомбината впадает по этому поводу в философические размышления: «Скажите, пожалуйста, какие нежные эти ложки—гнутся и гнутся. А я вот всё время гну свою линию, и сам, слава богу, ничего, несгибаем!».

Берегитесь, как огня, «бархатного крема» свердловской артели, «Химпром»: на складах артели этого крема имеется на 180 тысяч рублей. Не исключена возможность, что рекламировать его начнут на дальних подступах к Свердловску. После втирания этого крема ваше лицо покрывается трещинами и становится воскообразным, как чело египетской мумии, вследствие чего химики из «Химпрома» преисполнены производственной гордости: «Гарантия, гарантия-то какая, на целых четыре тысячи лет! Египетские фараоны до сих пор выглядят, как огурчики малосольные!..»

Пока не поздно, сделайте себе пометку в блокноте, что промкомбинат Ленинского района

того же Свердловска недавно выпустил 360 тысяч штук пуговиц, из коих многие вовсе не имеют дырок, и пришить их не представляется возможным. Покупателю, ставшему жертвой собственной неосторожности, придётся носить эти пуговицы в одной руке, а другой рукой подтягивать некоторые принадлежности туалета. Впрочем, с туалетом бывают и более пикантные положения.

Быть может, дорогой читатель, вас потянуло на юг, скажем, в Таганрог. Будьте мужественны, не принимайте приглашения в особое строительно-монтажное управление № 1 Наркомата строительства: здесь вас заставят облачиться в костюм, сшитый по моде, изобретённой начальником технаба Заславским. Этот наряд доставит вам и вашей семье крупные неприятности. Любой милиционер может вас задержать за появление в общественном месте в непристойном виде: пиджак и брюки системы Заславского (всего 500 комплектов) сшиты... из марли!..

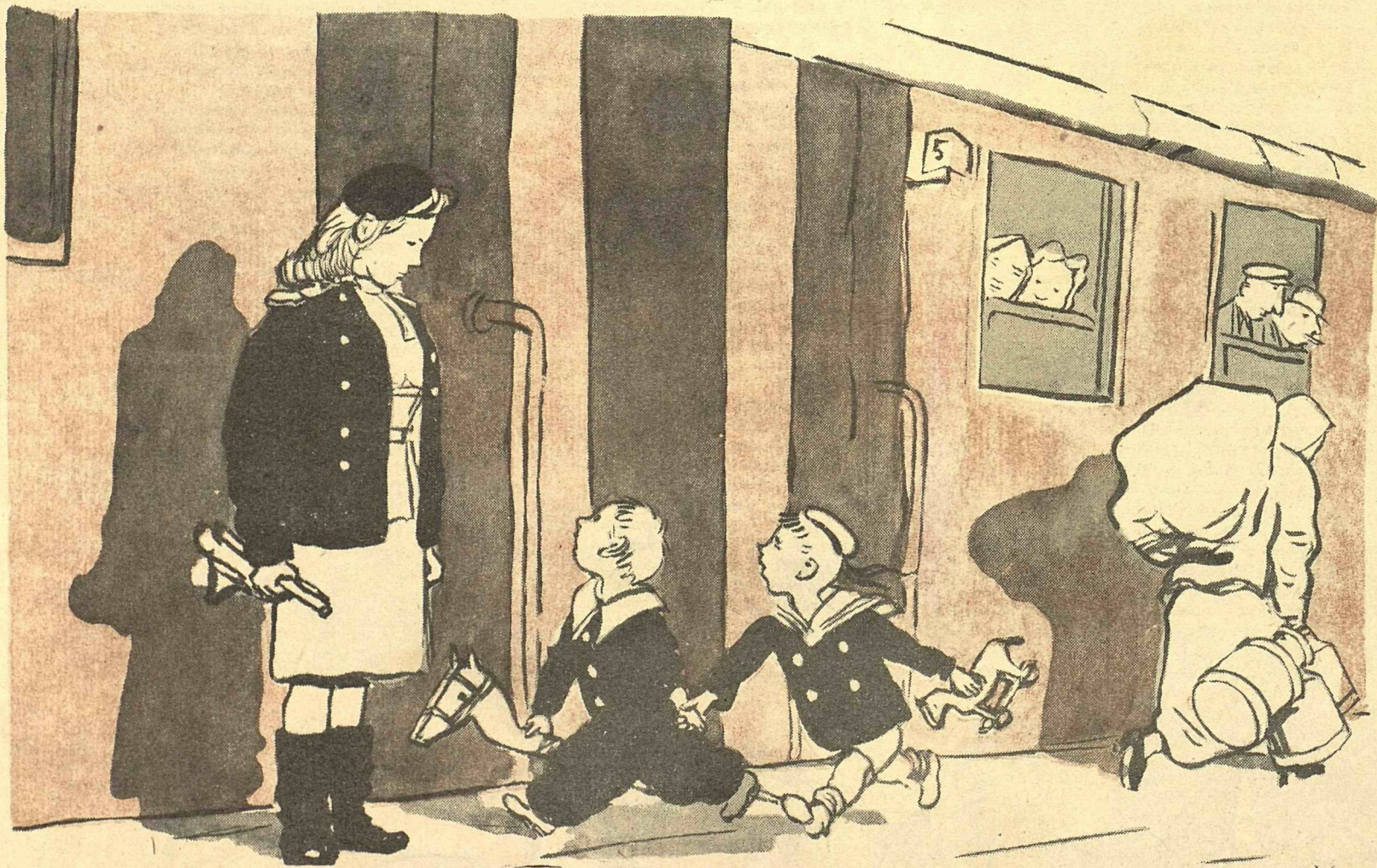
* * *

Это было в Воронеже. Именно здесь нам и пришло в голову опубликовать данный справочник. Как бы предчувствуя некую каверзу, воронежский горкомбинат выбросил на рынок специальные чернила, не оставляющие следов на бумаге. Однако фокус не удался! Как видите, читатель, настоящие строки, написанные настоящими чернилами, дошли до вас.

Вл. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ И ТАБАЧНЫЕ ЛИСТЬЯ

Рис. А. Капсвекого

— Почему вы, ребята, в детский вагон не идёте?
— А там, тётя, очень накурено...

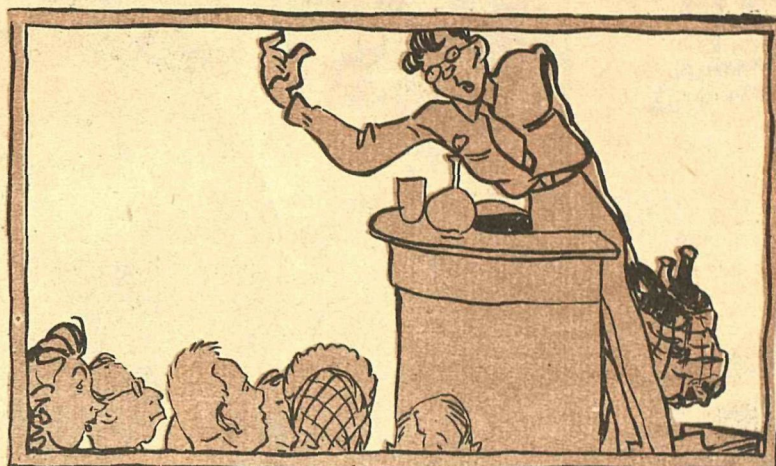
1. Поэт древней Эллады пел свои песни под аккомпанемент лиры и довольствовался наградой в виде лаврового венка.

2. Рог с вином был наградой вдохновенному скандинавскому скальду.

3. Улыбка прекрасной дамы была наградой провансальскому менестрелю.

4. Поэт Халтурщиков тоже получает натурой за свои выступления: в орсе работников прилавка — лавровый лист, в клубе пищевиков — плодоягодное вино... А улыбкой (иронической) его награждают слушатели!

Б О Л Ь Н А Я

В кабинетик, где сидел врач, с трудом протиснулась через одностворчатую дверь особа лет тридцати пяти. Могучею рукою она поправила волосные вавилоны надо лбом, вздохнула так, что бумаги на столе у врача затрепетали, и басом произнесла:

— Издрассти...
— Здравствуйте, — отозвался врач. — Вы Халаева?
— Халаевы. Мы.
— Ну, садитесь. Кто вас направил к нам на комиссию?
— Сама я себя направила. Кто ж меня направит?
— Вы на что жалуетесь?
— Прежде всего на наше домоуправление, гражданин доктор...
— Подождите, гражданинка. Я вас спрашиваю: на что вы жалуетесь в смысле вашего здоровья?
— Господи!.. Да у меня одни болезни... Никакого здоровья и не осталось.

— Нам верить не полагается. Мы должны эти болезни сами обнаружить.

— Вот беда-то какая!.. А у меня аккурат все болезни внутрих. Был один чирий снаружи, и тот на той неделе кончился.

— Та-ак-с. А кроме чирия чем вы страдаете?

— Так вот же — через домоуправление страдаю, через соседку Марью Павловну, муженёк мой меня донимает...

— Опять? Я вас уже просил: говорите только о болезнях

— Говорю. Не знаю вот, с чего начать... Можно — с головы?

— Можно. Что у вас с головой?

— Нет так — голова, как голова. А вот, например, с супругом моим драгоценным ночью проругаешься, — утром ну, прямо, на куски разваливается башка. Будто в неё плотники залезли и там ремонт делают.

— Допустим. Это ещё не очень опасная болезнь. Дальше?

— Дальше?.. Глотка слабеет у меня стала. То, бывало, три часа с Марьей Павловной отругаюсь и — хоть бы что... А теперь хрипнуть начала. Ещё могу про сердце сказать. То — вот оно тут, сердце, стучит, где ему полагается. А то вот закатится, закатится — и нет его.

— Что ж, давайте, послушаем ваше сердце... Дышите!.. ещё... так, теперь не дышите... Нет, со стороны сердца у вас всё в порядке.

— Внутри ещё что-то... Тянет.

— Как тянет?

— А так и тянет. Утром встанешь — тянет, присядешь — тянет, приляжешь — тянет, привстанешь — тянет, тянет-тянет...

— Подождите!.. Вы мне объясните толком, как это тянет?

— Ну, как вам объяснить? Я будто вся хочу идти вперёд, а изнутри меня тащит назад. Ясно?

— Нет. Что-то мы такой болезни не слыхали.

— Так, конечно же, это — болезнь тихая. Разве её услышишь? Не то что, скажем, икота или зубная боль... Вот и зуб у меня тоже так ныл позавчера, так ныл, так ныл... Вы запишите насчёт зуба.

— Нет, не запишу. Вообще, я вижу, вы человек здоровый.

— Я?! Здоровый?! Здрассти вам!.. Я же вам говорю: голова у меня болит, горло, сердце, поясница, внутренности, зубы и сама я себя плохо чувствую.

— А «сама» это ещё как понимать?

— Как, как... То, значит, по частям всё ноет, а то ещё настроение у меня болезненное. Особенно, если я увижу Марью Павловну... ух, она меня доведёт до полной инвалидности!

— Или — вы её?

— Её нечего доводить. Она и так уже получила справку: инвалид третьей группы. Вот что меня и бесит. Чуть что, она тычет эту справку... Доктор, а нельзя мне дать вторую группу? Ей на зло, а?..

— Нельзя.

— Ну, что вам стоит?.. И домоуправление не будет придирается в смысле там трудового фронта и прочее... Написали бы справку...

— Нет, не напишу. И попросите ко мне следующего, гражданка Халаева. Да, да, можете встать...

— Встаю я, встаю... А ещё доктор называется... должен людям облегчать страдания... И почему это вся медицина на стороне Марьи Павловны?..

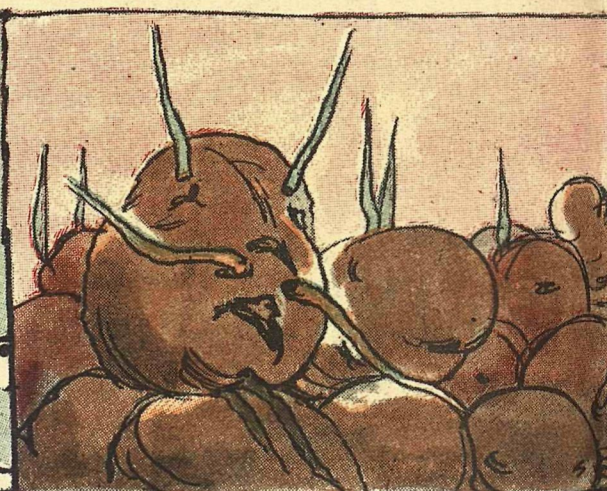
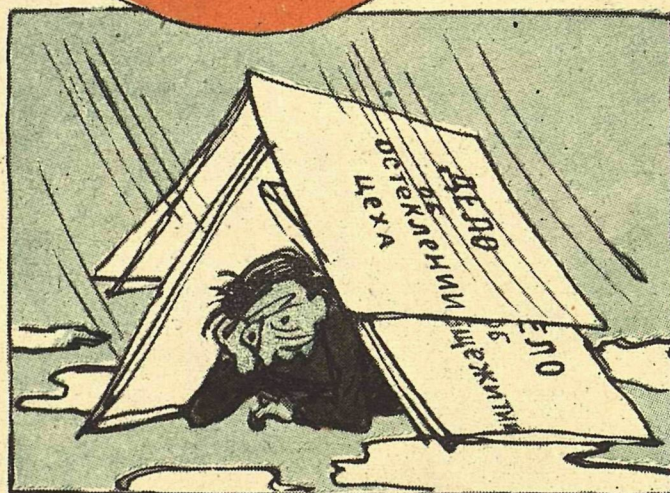
Монументальная гражданка Халаева медленно покидает кабинет.

В. АРДОВ

ОСЕНЬ

— Что он не подши...

— Эй, скоро вы там кончите?
— А куда нам спешить? Над нами не каплет.

Текущие дела.

— Клянусь бородой, я был ещё молодым картофелем, когда обещали устроить меня в овощехранилище.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

За летом следует осень. Не нарушай графика!

С тучи по капле — к выходному дождь.

Деревья осенью обнажаются. Не подражай им — простудишься!

Цыплят по осени считают. Тогда же подсчитывают и убытки от их падежа.

Вернувшись с курорта, он заважничал.

— Я купался, — рассказывал он, — в одном море с нашим директором.

И фиговый листок опадает.

Заботам её не было конца. В Сочи она старалась побольше загореть, в Москве — искала крем от загара.

Не успевал ещё его начальник чихнуть, как он уже профилактически восклицал: «На здоровье!»

— Он заменяет мне кальцекс, — говорил о нём начальник.

У него был свой взгляд на искусство. Он предпочитал театру кино, потому что там можно было не снимать калош.

Человек с тонким обонянием. Едва взглянув на букет хризантем, определил:

— Это пахнет полусотней.

Природа не удивляла его. Кустарник он рассматривал как «кустовое объединение», листопад воспринимал как «сокращение древесного листажа».

Если на последней книжке ежечасника прочтёшь дату «май», — не верь глазам своим. Уже — октябрь!

Осенняя непогода была изображена живописцем так натуралистически, что от одного взгляда на его картину люди простуживались и кашляли.

В своём прозрачном, яркооранжевого цвета непромокаемом пальто она висела у него на руке, как покупка в целлофановой упаковке.

Осень — не кампания, а время года. Запомни это!

Эмиль КРОТКИЙ

Настушила

о за лист, и почему
т к делу?

— Ругают нас за то, что медленно урожай убираем, а всё дождь виноват.

— Я и говорю, что дождь виноват. Уже целую неделю его нет и ссылаться не на что.

Первый случай хищения
фруктов

и далеко не последний.

— Как у вас, Иван Петрович, в отношении дровзаготовок?

— Отношение-то я заготовил, а дров ещё нет.

ОДНАЖДЫ...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМПЛИМЕНТ

Однажды писатель Арцыбашев, автор пресловутого романа «Санин», читал в кругу писателей свой новый рассказ «Мститель».

Прослушав рассказ, кто-то заметил:

— В некотором смысле вы прямой наследник Льва Толстого...

— Да? — расцвёл Арцыбашев.

— Конечно!.. Ведь Толстой также когда-то пробовал шить сапоги!

САМАЯ ДРЕВНЯЯ ПРОФЕССИЯ

Однажды адвокат Лохвицкий завёл спор с профессором-хирургом Беллярминовым:

— Какая из двух профессий старше: юридическая или медицинская?

— Моя профессия старше, — сказал адвокат, — она известна ещё с библейских времён. Первое уголовное дело было об убийстве Каином Авеля.

— Правильно, — ответил хирург, — но моя ещё старше... Какая была первая на свете операция? Извлечение ребра у праотца Адама.

ТЩЕСЛАВИЕ КОМПОЗИТОРА

Однажды несколько итальянских дирижёров, в том числе Тосканини и Масканьи, были приглашены участвовать в большом музыкальном фестивале в честь Верди. Масканьи, завидовавший славе Тосканини, согласился дирижировать лишь при условии, что ему заплатят больше, чем Тосканини.

— Мой гонорар должен быть выше, — заявил он, — пусть хотя бы на одну лиру, но выше.

Дирекция согласилась. Когда закончился фестиваль, Масканьи была выпла-

чена... одна лира. На фестивале в честь Верди Тосканини дирижировал бесплатно.

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

Однажды известного английского юмориста Джером К. Джерома кто-то спросил:

— Что вы любите читать больше всего?

— Таблицу выигрышей, — ответил Джером К. Джером.

ЧТО Б МНЕ ТИХО БЫЛО!

Однажды в Мариинском театре во время представления оперы Вагнера «Тангейзер» петербургский градоначальник Грессер вызвал к себе дирижёра и затопал на него ногами:

— Не играй так громко!.. Ви меня понимай!.. Не смей громко!.. В театре сам государь-император!!

ДАЛЬШЕ НЕКУДА ИДТИ

Ну на что это похоже?
Мы совсем почти не спим!
До чего же, до чего же
Расставаться трудно с ним!

Что ни вечер, что ни вечер,
Вот уже четыре дня,
После каждой нашей встречи
Провожает он меня.

Мы проходим три квартала,
Мимо почты и вокзала,
Мимо школы, мимо сквера,
Мимо милиционера,
Мимо булочной идём,
Мимо яслей, а потом
Мы идём по тротуару,
В направлении к бульвару
Вдоль трамвайного пути —
Дальше некуда идти.

Входим, значит, мы в ворота
И проходим через двор.
У второго поворота
Прерываем разговор.

Он вздыхает и, понятно,
Ждёт, что я ему скажу:
«Я теперь тебя обратно,
Если хочешь, провожу».

Мы идём по тротуару
В направлении к бульвару,
Мимо милиционера,
Мимо почты, мимо сквера,
Мимо яслей, а потом
Мимо булочной идём.
Мы проходим три квартала,
Мимо школы и вокзала
И доходим до кино.
Пусто, тихо и темно.

Вот стоим мы с ним, болтая,
Где-нибудь у фонаря,
А над нами золотая
Занимается заря.

Тут он снова мне, понятно,
Начинает предлагать:
«Хочешь, я тебя обратно
Провожу?...» И вот опять —

Мы проходим три квартала
Мимо почты и вокзала,
Мимо школы, мимо сквера,
Мимо милиционера,
Мимо булочной идём,
Мимо яслей, а потом
Мы идём по тротуару
В направлении к бульвару
Все идём, идём, идём,
А уже светло, как днём.

Где-то слышен шум трамвая,
Появляется народ,
В белом фартуке, зевая,
Дворник улице метёт.

И тогда мы с ним, понятно,
Несмотря на ранний час,
Отправляемся обратно,
Не сочтёшь в который раз.

Мы идём по тротуару
В направлении к бульвару,
Мимо милиционера,
Мимо почты, мимо сквера,
Мимо яслей, а потом
Мимо булочной идём,
Мимо школы до вокзала,
От вокзала три квартала
Вдоль трамвайного пути...
Дальше некуда идти.

Вл. МАСС, Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

ПРОВЕРКА

Мэр города в сопровождении приятеля приехал утром в мэрию. Несколько посетителей уже ожидали его. Проходя через приёмную, мэр отпустил какую-то старинную шутку. Войдя в кабинет мэра, его друг сказал:

— Ну и старый же анекдот рассказали вы им!

— Да, я знаю, — ответил мэр, — но мне интересно было узнать, кто из посетителей явился ко мне с просьбами.

— И узнали?

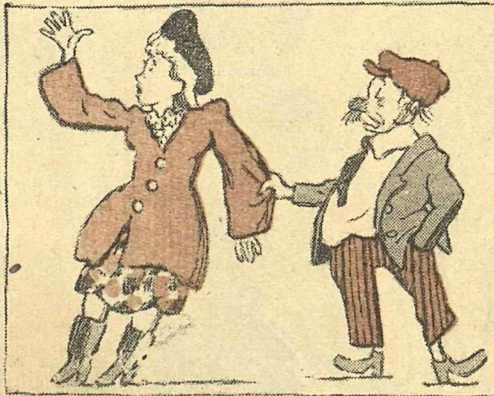
— Как же, — ответил мэр, — это как раз те, которые рассмеялись.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Рис. Г. Валька

— Разрешите познакомиться...

— Караул! Милиционер!!!

— Караул!!! Жена...

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

— Девушка, заметили ли вы номер автомобиля, который вас сбил?

— Нет, он ехал слишком быстро. Однако на даме, сидевшей за рулём, была надета коричневая шляпка с розой, она носила длинные бежевые перчатки, её лисья шубка была широка в талии.

КТО СТАРШЕ

Когда родился ребёнок, его сестра, двухлетняя девочка, была очень рада, что у неё есть братик. Когда ему было 3 года, а ей 5 лет, она строгим голосом говорила ему, что он должен слушаться её, ибо она старше. Когда ему было 6 лет, а ей 8 лет, она хвасталась перед ним, что она уже ходит в школу, умеет читать и писать. Когда ему было 10, а ей 12 лет, она говорила, что она уже скоро будет взрослой барышней, а он ещё долго будет глупым мальчишкой. Когда ему было 14, а ей 16 лет, она смотрела на него сверху вниз, говоря, что он ещё ничего не понимает в жизни, не то, что она, шестнадцатилетняя девушка. Когда ему было 16, а ей 18, у неё уже появились женихи, а он ещё не был студентом. Когда ему стало 20, ей почему-то исполнился 21 год, она собиралась выйти замуж. Когда ему стало 24, он неожиданно обнаружил, что его сестра на 2 года моложе его. Когда ему было 30, ей было только 24, в этот год она вышла замуж. Когда ему было 36, ей было 25, и она всем рассказывала про своего брата, что, когда она родилась, он её очень любил и носил на руках и держал на коленях, уже тогда он был большим и сильным мальчишкой.

С н а т у р ы

ЗНАТОК

В школе проводилась инспекторская проверка. Инспектор присутствовал на уроках, беседовал с учителями, с директором, и почти все они украдкой жаловались на заведующего районным отделом народного образования, называя его самодуром и невеждой. Инспектор решил, наконец, встретиться с этим заведующим и в беседе, как бы незначай, спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы знакомы с «Обломовым»?

— А что это за товарищ? — спросил заведующий.

— Это роман.

— Ах, помню, — сказал заведующий, напрягая память, — как же не знать! Роман Обломов, писатель. Да только писатель-то, кажись, ленивый был. Всего и написал, как один корабль вокруг света плавал.

— А не знаете ли, — поинтересовался инспектор, — кто написал об унтере Пришибееве?

— А куда написал? И в каком районе это было? У нас такого что-то не слышно. А, впрочем, — сказал он, раздумывая, — может быть, и был: район большой, за каждым не уследишь.

ПО ПРИВЫЧКЕ

У одного районного работника была привычка пересыпать свою речь словами: «видишь» и «понял — нет?» Однажды ему пришлось произнести надгробное слово. Обращаясь к усопшему, он сказал:

— Спи спокойно, товарищ. Память о тебе видишь ли, надолго сохранится в наших сердцах. Понял — нет?

г. Сталино.

Ал. ИОНОВ

НЕЧЕГО ВОЛНОВАТЬСЯ

Рис. Б. Фридкина

— Сколько же можно ждать второго, гражданка?!
— До девяти, гражданин. В девять закрываем.

П И С Ь М А

...Я до войны как-то ни разу не удосужилась влюбиться: то на производстве работала, то вздумала учиться. Подружки мои все до одной повлюблялись, а у меня, должно быть, сердце было прямо какое-то огнеупорное.

Во время войны мои подружки по общежитию перешли целиком на заочные переживания: письма с фронта получают пачками, читают их друг дружке вслух, вместе смеются, а иногда и хнычут вместе. И начинают придирааться ко мне:

— Почему это ты писем не получаешь?

А у меня братьев нет, жениха нет, — с кем я буду переписываться? Даже неловко перед девчатами. А они продолжают приставать.

«Ладно же, — себе думаю, — я вам докажу, что и у меня может быть обширная переписка...»

Записала я через радио адреса троих одиноких фронтовиков и сразу в трёх экземплярах бухнула им по письму: дескать, желаю дружить, бейте фрицев, пишите письма и открытки.

Как начала я потом получать свою корреспонденцию, — мои девушки прямо ахнули: чуть не каждый день по письму, а то и по два.

Ну, двое потом отсеялись, потому что я всем не успевала отвечать. Зато один, основной, остался — старшина Берёзкин. Какие он мне письма писал! Интересные, выдержанные. И, на мой взгляд, с каждым письмом горячее: с рассуждением о роли девушки в жизни бойца.

«Батюшки! — думаю, — товарищ начинает заочно влюбляться...»

Я бы, может быть, и сама ничего против этого не возражала, но тут появляется на сцену новый скромный герой. Он, правда, тоже совершал на фронте всякие героические поступки, но после довольно серьёзного ранения вернулся к своей прежней гражданской профессии: он был писмоносец. Он-то и таскал мне всю мою обширную корреспонденцию. Славный такой парень, весёлый, разговорчивый. Однажды, например, приходит, и я его спрашиваю:

— Мне одно письмо?

— Извините, — говорит, — сегодня ни одного...

— А зачем же вы тогда пришли?

— Специально пришёл сообщить, что нет вам сегодня писем...

И просидел битый час: всё рассказывал фронтовые эпизоды из своей жизни и за что получил свою боевую медаль.

А через несколько дней пришёл мрачный, молча сунул мне заказное письмо, велел расписаться и убежал. Оказалось, что это письмо написал мне он сам... И даже в стихах! Я до сих пор наизусть помню эти смешные стишки. Вот:

«Объясню, почему я не весел,
Буду скоро печальней вдвойне:
Ах, из всех нам известных профессий
Столь жестокая выпала мне...
Посудите, товарищи, сами
И продумайте участь мою:
Ей, любимой, своими руками
Я чужую любовь отдаю!..
В этих письмах слова — словно порох.
Поцелуй — огня горячий...
И такого огня целый ворох
Ей доставил за несколько дней!
Ах, однажды вечерней порою
К ней в знакомую дверь постучу,
Как открытку, ей душу открою,
Как пакет, своё сердце вручу!..»

И, вы знаете, вручил! Даже удивительно! И вот тут начинается проблема, честное слово... Старшина Берёзкин пишет мне тёплые письма — надо отвечать, а у меня уже нет для него избытка тёплых слов. А тут ещё мой Костя начинает ревновать к письмам. Беда!

Но когда Берёзкин внезапно перестаёт мне писать, я начинаю беспокоиться: и с точки зрения фронтовых опасностей и с точки зрения самолюбия. Как же, мол, так: писал-писал — и вдруг бросил...

А с Берёзкинским, оказывается, произошли события: прислал, наконец, письмо и сообщает, что действительно был ранен, лечился, а теперь едет для поднятия военного образования. И не куда-нибудь, а именно в наш город! Пишет, что приедет такого-то числа, и просит в назначенный день навестить его в гостинице: надо поговорить со мной на серьёзную тему из его личной жизни...

— Пойдёшь? — мрачно спрашивает мой Костя.

— А как же, Костенька? Неловко не пойти...

Но ведь и идти неловко!.. Ну, что я старшине Берёзкинскому буду говорить? Человек честно влюбился, приехал говорить на серьёзную тему, а я, того и гляди, с другим в загс пойду.

Подходит назначенный день, собираюсь я идти в гостиницу, а Константин мой из себя выходит.

— И я, — говорит, — с тобой пойду.

С трудом я его уговорила в номер не входить, а подождать внизу, в вестибюле.

Поднимаюсь. Стучусь. Взволнованная вхожу в номер.

То есть, я вам скажу, этот старшина Берёзкин оказался до того интеллигентный парень — просто ужас! Но сердцу не прикажешь...

Ну, разговоры были сначала обычные: «Ах, вот вы какая!», «Ах, вот вы какой!» В общем всё шло гладко. Потом он вдруг говорит:

— Теперь я перехожу к той серьёзной личной теме, о которой писал в последнем письме...

Я сразу как-то вроде задохнулась, руками замахала и — в слёзы. Потом с трудом говорю:

— Товарищ, — говорю, — Берёзкин! Дорогой вы мой отличник Отечественной войны! (Сама не помню, что говорю.) Извините меня, ничего у вас с серьёзным делом не выйдет...

Он очень изумляется и спрашивает, в чём дело.

— А вот, — говорю, — в чём: тут писмоносец один, некто Костя, носил мне от вас письма, ну и доносился... Полюбил он меня, ну и я его, извините, тоже... Так что лично у вас ничего личного не получится...

Он, представьте, вдруг начинает страшно хохотать. Я подумала, что это он на нервной почве. А он продолжает смеяться и говорит:

— У меня уже получилось! С вами я переписывался для дружеской связи, а в заочную любовь я не верю и другим не советую: это слишком редко получается. Я на фронте полюбил одну медичку: она мне, между прочим, жизнь спасла.

Тут раздаётся стук в дверь, и входит высокая блондинка в военной форме.

— Вот, — говорит Берёзкин, — познакомьтесь: это она и есть. Вытащила меня из-под огня на свою голову, а теперь я буду её супруг и повелитель: завтра в загс идём. А вас приглашаем на свадьбу, об этой теме я и писал.

Понимаете? Буквально, как в песне:

«Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай!..»

А мне и не надо! Я, к изумлению своих собеседников, как угорелая, выскакиваю из номера и ещё с лестницы кричу своему Косте:

— Костечка, поднимайся сюда немедленно!

Втаскиваю его за руку в номер и возбуждённо говорю:

— Вот и вы знакомьтесь: некто Костя. Тоже повелитель!..

Короче говоря, в загс мы все вчетвером ходили и расписались в один день и в один час.

Ой, заговорила, а сейчас же моя станция будет! Помогите мне, пожалуйста, вещички до тамбура донести, а там уж меня Костя встретит.

Алексей РЕЗАПКИН

Без намёков ГАЗЕТНЫЕ АСТРОНОМЫ

ПУБЛИКУЯ заметку о солнечном затмении, газета «Ленинское знамя» (Петрозаводск) пишет:

«Вот на потемневшем солнце появляются очертания. Обрывками фраз учёный поясняет — это планеты Сатурн и Юпитер».

Итак, на солнце обнаружены планеты. Кому принадлежит честь этого мирового открытия? Газета глухо упоминает о докторе физико-математических наук, но фамилии его не приводит.

После долгих и мучительных размышлений мы пришли к выводу, что планеты на Солнце нашёл не какой-то загадочный доктор, а К. Колесова, автор заметки о солнечном затмении. Однако вряд ли К. Колесова осмелилась бы обнародовать своё открытие, если бы ей не протянула братскую руку помощи редактор тов. Монбсова.

Приветствуя редактора и его сотрудницу, мы выражаем надежду, что на этом они закончат свои астрономические изыскания и вновь вернуться к непосредственным обязанностям журналистов. К сему пожеланию горячо присоединяются все планеты, в первую очередь Сатурн и Юпитер.

«ПРАВЕЛЬНЫЙ» ОТВЕТ

ВОРЫ обчистили квартиру лейтенанта Евграфова.

Спустя месяц на базаре с вещами Евграфова был задержан некто Супиев.

Народный суд в Алма-Ате приговорил Супиева к лишению свободы на год и присудил в пользу Евграфова 10 тысяч рублей за украденные и уже проданные вещи.

Супиев обжаловал этот приговор в областной суд. Алмаатинский областной суд по каким-то мотивам вовсе отказал Евграфову в иске, хоть и оставил в силе приговор о лишении свободы Супиева.

Тогда Евграфов обжаловал это решение в прокуратуру Казахской ССР.

До сих пор всё шло, как полагается обычному судебному делу. Но, когда из прокуратуры республики пришёл ответ, всё полетело вверх тормашками.

Чтоб не томить читателей, приводим дословно ответ прокуратуры Казахской ССР:

«Евграфову Н. А.

Прокуратура Каз. ССР Вам сообщает, что дело Супиева нами рассмотрено в принятии протеста отказано, осуждение Вас является правильным приговор оставлен в силе. Жалоба оставлена без удовлетворения».

Когда, кто и за что осуждал Евграфова? Неужели за то, что он подал в суд на вора? И вдобавок ко всему прокуратура республики считает это осуждение Евграфова «правильным»!

Прокуратура Казахской ССР оставила жалобу Евграфова «без удовлетворения», что мы отмечаем, увы, без особого удивления, ибо всякому очевидно, что в прокуратуре работают далеко «не правильно».

«КОНИКИ» ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

РЕПЬЕВСКАЯ газета «Вперёд» (Воронежская область) с гневом обрушилась на хулиганов, которые творят беспорядки в районном клубе. И поделом обрушилась. Каждая строка в этой статье исполнена благородного негодования:

«Смотришь, во время доклада кто-нибудь из хулиганов свалился с лавки, вроде как пьяный, другой чем-либо нехорошим контролерше лицо вымажет. Тут только давай! За животы хватаются, ну прямо падают от смеха, как будто перед ними не докладчик, а Чарли Чаплин коники разделявает. Публика волнуется, а они хоть бы что».

Но, возмущаясь хулиганями, редакция незаметно для себя сама начинает «разделять коники» с русским языком и здравым смыслом:

«Постановки тоже эти люди рассматривают лишь с точки зрения «смеха». Ставили как-то в райклубе тяжёлую драму товарища Льва Николаевича Толстого «Власть тьмы». На сцене, например, показывают, как в погребе зверски придушивают новорожденного младенца и артисты стараются дать понять весь кошмар этой тёмной операции. А тут смеха не оберёшься. Кричат: «Ага, попался!», «Допрыгался!», «Доскакался!». Публика возмущается, но ничего поделать с ними нельзя».

И после всей этой грозной тирады газета пишет:

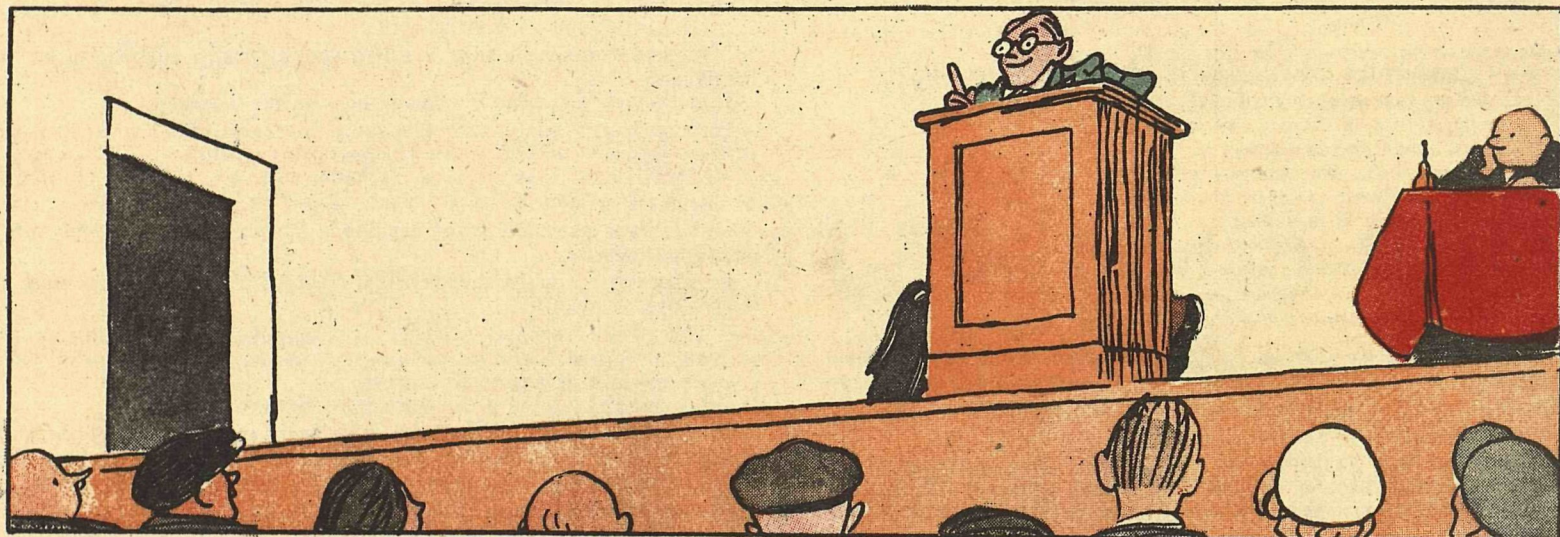
«Мы не будем называть фамилии хулиганов. Они хорошо известны администрации клуба и работникам милиции».

Мы же назовём автора этой статьи—В. Лучину и редактора газеты—тов. Калашникова и советуем:

— Осторожней, товарищи! Побойтесь товарища Льва Николаевича Толстого: он не простит Вам «коников» над русским языком.

Рис. П. Бродаты

ЖИВАЯ РЕКЛАМА

— Наша артель «Косошвей» добилась резкого улучшения качества выпускаемой продукции...

За примерами ходить недалеко.

НАСЛУШАЛИСЬ

Рис. Л. Бродаты.

— С тех пор, как мы поселились рядом с концертным залом, мои птенцы только одну песню чирикают с утра до вечера.

ЩЕГОЛ (Басня)

Однажды в буйный сад, цветущий и густой, Из лиственных лесов Щегол попал залётом. Он пел старательно, искусно, как по нотам. Всех пением покорила и скоро стал звездой. Пернатые его талант ценить умели За чистоту ладов, за мастерские трели. Молва о нём пошла налево и направо.

По праву. Но, чувствуя своё признание и славу, Старанием себя и тщанием не теша, Щегол стал меньше петь, небрежнее и хуже. И голос уж не тот и в трелях пониженнее... Оставило певца бывшее уваженьё. И птицы, не прервав свой деловой полёт, Спокойно говорят:

«Опять Щегол поёт».

Применимо для людей, что сказано про птиц. Открыв иной журнал, найдёте кое-где вы Меж красочных стихов и мастерских страниц Небрежные щеглиные напевы.

А. ПАУТКИН

Рис. Б. Кляича

— Да ведь здесь недoves! — Да, но зато там — перевес.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Есть вещи, над которыми не принято смеяться. И мне, право, не до смеха.

Московский протезный завод делает ортопедическую обувь. Обувь эта полагается на год, но работники завода откровенно признают, что они гарантируют срок носки обуви только на 1½ месяца.

В чём же ходить инвалидам остальные 10 с половиной месяцев?

Кому-кому, а протезному заводу не пристало хромать на обе ноги!

Инвалид Отечественной войны
С. ЗАГОНКИН

Дорогой тов. Загонкин!

В вашей беде пусть послужит вам утешением, что в Ростове вовсе не изготавливают никакой ортопедической обуви, хотя это можно было бы наладить на местной фабрике имени Микояна.

Правда, при выписке из госпиталя инвалидам вместо обуви выдают справку о том, что обуви они не получили.

А не проще ли выдать справку местному горсовету, что можно иметь обе руки и быть безруким в таком важном деле?

Гвардии капитан
В. ТАРАСОВ

Дорогой Крокодил!

Как далеко шагнула жизнь! Давно ли ты на своих страницах описывал инициативу борцов топливного фронта, заготавливающих дрова на зиму в городских парках и скверах?! А сейчас превзойдено и это новаторство, причём успех достигнут не в каком-нибудь крупном индустриальном центре, а в скромном городке Мариинске, Кемеровской области.

В чём преимущества изобретённого здесь метода?

Общезвестно, что заготовка топлива в городском парке значительно сокращает транспортные средства (лес не надо возить издалека), но не освобождает лесорубов от необходимости иметь пилы, топоры и прочие инструменты. А заведующий больницей в Мариинске Бениваленский и директор райпромкомбината Фальберг доказали, что можно обойтись и без инструментов. Отказавшись от каких бы то ни было механизмов, обыкновенным ручным способом они разобрали и сожгли в печках два городских дома, прожив таким образом прошлую зиму в тепле и довольстве.

Смелый эксперимент не пришёлся, однако, по вкусу местным организациям, и они обязали лесорубов-рационализаторов выстроить дома из нового леса. С этой целью весной было посажено полтора — два десятка деревьев. Одновременно надо было посадить (на скамью подсудимых) и граждан Бениваленского и Фальберга. К сожалению, это не было сделано. Поэтому существует опасение, что нынешней зимой жилой фонд в Мариинске ещё больше сократится.

Ив. ЧЕЛДОНОВ

г. Мариинск.

Уважаемый Крокодил!

В прошлом году при особом строительномонтажном управлении № 7 Уралспецстроя был организован дом отдыха. Рабочие-стахановцы были им вполне довольны. Неожиданно полгода назад по распоряжению начальника строительства тов. Тофило дом отдыха был для рабочих закрыт и туда направлены на постоянное житьё 3 коровы, 3 свиноматки и 10 овец.

Казалось бы, хороший уход, усиленное питание, целебный воздух — всё это должно положительно отразиться на жизненном тонусе отдыхающих животных. На самом же деле они переживают повышенную депрессию.

В чём же дело? Оказывается, животные возмущены тем, что продукты, главным образом молочные, пседаются не теми, кому это по штатам положено. Между тем этих продуктов в доме отдыха вполне достаточно, чтобы кормить ими не только обречённый на безделье обслуживающий персонал, но и приезжих стахановцев.

Настроение вышеназванных коров, свиноматок и овец внушает серьёзные опасения. Надеюсь, что тов. Тофило прислушается к их объективному голосу.

М. АВЕРКНЕВА

Свердловская область.

Товарищ Крокодил!

Я никогда не собирался и не собираюсь ехать в город Гомель. А между тем секретарь Гомельского горисполкома тов. Шехтман прислал мне официальное извещение: «На полученное Ваше письмо с просьбой о высылке Вам пропуска на право проезда в г. Гомель Исполком сообщает...» и т. д. и т. п.

Вот так чудеса! Да я никогда и не просил себя никакого пропуска.

Правда, я как заместитель командира части просил Гомельский исполком разрешить въезд семье военнослужащего нашей части тов. Эпштейна.

По характеру своей работы мне часто приходится обращаться с подобными просьбами в различные исполкомы. Что прикажете делать, если, чего доброго, мне и из других исполкомов начнут отвечать, как тов. Шехтман? Не разорваться же мне на части?

Ф. СОКУРОВ,
майор.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ Командированные в с. Торба, Горьковской области, представители Сергачского района Гришин и Чернев учинили на улице в районе детского дома стрельбу из охотничьего ружья. Работники Горьковской областной прокуратуры не нашли в их действиях состава преступления. После заметки в Крокодиле прокуратура РСФСР предложила привлечь Гришина и Чернева к уголовной ответственности.

♦ В Крокодил поступило письмо о злоупотреблениях в совхозе комбината «Абрау-Дюрсо». В результате расследования главный бухгалтер совхоза Богданов предан суду, зам. директора совхоза Ларин снят с работы, а начальнику орс Проценко объявлен выговор.

♦ Работник Краснодарской краевой прокуратуры Коротков использовал служебное положение в личных целях, грубо и невнимательно принимал посетителей. По материалам Крокодила, Коротков от работы в прокуратуре освобождён.

♦ Председатель колхоза «Спартак», Саратовской области, Климов вёл себя, как Держиморда: ругался и издевался над колхозниками, вызывая всеобщее недовольство. Письмо читателя об этих фактах Крокодил направил в Саратовский обком партии. Климов с работы председателя колхоза снят, исключён из рядов ВКП(б) и привлекается к судебной ответственности.

♦ Читатель тов. Блинов сообщил Крокодилу, что председатель Старо-Бешевского райпотребсоюза Маслюкова — безграмотный работник, не способный руководить кооперацией.

Маслюкова от работы в потребсоюзе освобождена. В № 12 Крокодил привёл текст безграмотной афиши о халтурном выступлении в Ашхабаде некоего гипнотизёра Аям. Ашхабадский горком КП(б)Т объявил выговор упомянутому Главлита тов. Тачману за формальное отношение к выдаче разрешения на печатание афиши.

Главные военные преступники доставлены в Нюрнберг, где их будет судить Международный Военный Трибунал.

Рис. Ю. Гапфа

46

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
0593 экз.
1945 г.

В

2/1

ПОСЛЕДНИЙ НЮРНБЕРГСКИЙ СЪЕЗД ГИТЛЕРОВСКОЙ ПАРТИИ

ЮГ 45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. ГЫЛИН (отец редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал - 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 650. Подп. к печати 26/IX 1945 г. Стафформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.
А 23018. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1940. Тираж 114.000 экз.